

Глава 1

— Ваше сиятельство, просыпайтесь.

Моей ладони коснулись чьи-то теплые пальцы. Женские — судя по голосу, который я услышал. Если, конечно, все это происходит со мной на самом деле. Я помнил только удар, боль... машину, буквально обнимающую столб, потом крики, сирены...

— Ваше сиятельство, я же вижу, что вы не спите. — Женщина (а скорее девушка), державшая меня за руку, едва слышно захихикала. — У вас глаза двигаются.

Просыпаться не хотелось. Я не знал — да и не слишком-то торопился узнать, — почему вдруг превратился в какое-то там сиятельство и что за дичь вообще творится. На данный момент меня вполне устраивало то, что тело больше не пытается развалиться на части.

Боль ушла — может, не полностью и не совсем, но все же достаточно, чтобы я мог в полной мере насладиться возможностью растянуться в мягкой постели. Вдыхать знакомый каждому запах больницы и слушать приятный девичий голос.

Но таинственная незнакомка звала меня... И чтобы разобраться хоть в чем-то, придется для начала вернуться в реальный мир.

— Ох-х-х... — Я прикрыл глаза от света свободной рукой. — Я что, умер и попал в рай?

Реальный мир спешил порадовать. Темноволосая девушка сидела на краю койки, прижимаясь к моему боку

бедром. И это самое бедро я видел... В общем, видел. Одежда выдавала в незнакомке медсестру, однако на ум почему-то сразу приходило что-то вроде тематической вечеринки для взрослых.

И дело было не в отсутствии положенной белой шапочки, откровенном вырезе или слишком коротком халатике — они-то, хоть и не без труда, пока еще укладывались... в рамки приличия. А вот сама девушка стремилась вырваться. И из рамок, и из халатика — пуговицы на весьма привлекательных формах держались на честном слове, а из-под прошитого белоснежного краешка в бессовестной близости от моей ладони выглядывали не колготки, а самые настоящие чулки. Да и в целом униформа красотки казалась... немного тесноватой. В хорошем смысле.

— Умер? Нет, что вы, ваше сиятельство... — Медсестричка захлопала длиннющими ресницами. — Вы были без сознания почти двадцать часов — но теперь все позади. Я так волновалась!

Из-за меня? Или подобный подарок судьбы здесь положен всем пациентам без исключения? И если я провалялся овощем почти сутки, то...

Стоп. Так не бывает!

Я покрутил головой из стороны в сторону. Пошевелил руками. Такими же чужими и незнакомыми, как и «сиятельство». Довольно крупными — и все-таки слишком тонкими и гладкими, чтобы принадлежать взрослому мужчине. Скорее уж совсем молодому... Пацану лет семнадцати-восемнадцати.

Что за?..

Я заерзал, проверяя подвижность тела, и, наконец, подтянул ноги. Которые не только оказались на месте целиком и полностью, но и работали. Движения дава-

лись не без усилий — и все-таки я определенно был в куда лучшем состоянии, чем полагается человеку, которого авария еще вчера превратила чуть ли не в фарш.

— Татьяна.

Заглядевшись на красотку-медсестру, я не заметил, как в палате появилась еще одна докторша. Высокая, голубоглазая и со светлыми волосами, собранными в строгий тугий пучок на затылке. Похоже, эта была рангом повыше — судя по возрасту, золотому шитью на лацканах халата и стетоскопу на шее.

— Ой... Здравствуйте, Ольга Михайловна. — Медсестричка по имени Татьяна тут же скользнула попой по простыне, в мгновение ока оказываясь от меня на расстоянии вытянутой руки. — Его сиятельство проснулся. Я хотела...

— Его сиятельству нужен покой, — отозвалась Ольга Михайловна. — Ступай, Татьяна.

Властной докторше не пришлось ни повышать голоса, ни просить дважды, ни даже указывать на дверь взглядом. Она лишь чуть сдвинула брови — и Татьяна тут же исчезла, напоследок подарив мне еще несколько секунд созерцания весьма аппетитной пятой точки, обтянутой халатиком.

— Рефлексы в норме. — Ольга Михайловна улыбнулась одними уголками губ и приспустила очки на кончик носа. — Как самочувствие?

Я, наверное, должен был что-то ответить — но так и не смог. Окончательно пробудившийся разум переваривал тонны информации зараз, и на речь его скудных мощностей попросту не хватало.

Я в больнице — это понятно. В отдельной палате. И не обычной, а явно рассчитанной на тех, кого принято называть «особо важными персонами», — судя по иде-

альному ремонту, заделанному под старину пузатому телевизору в углу и широкой кровати, назвать которую койкой не поворачивался язык. Секс-бомба Татьяна, похоже, идет ко всей этой медицинской роскоши в комплекте, да и сама Ольга Михайловна выглядит слишком важной птицей, чтобы лично проведывать кого попало.

Впрочем, сама она обращалась ко мне и без непременно «ваше сиятельство», и даже без имени и отчества. А значит...

— Княгиня Ольга Михайловна Бельская. — Докторша, похоже, уловила ход моих мыслей и наконец решила представиться, попутно изобразив что-то вроде легкого поклона. — Статский советник медицинского ведомства... И по совместительству главврач этого... заведения. А вы?..

— Александр... Петрович, — пробормотал я — и вдруг неожиданно для себя добавил: — Князь... внук князя Горчакова.

Ого, а это откуда?! Еще пару минут назад я не мог вспомнить даже...

— Хорошо, — кивнула Ольга Михайловна. — И все же — как вы себя чувствуете, князь?

— Честно? Намного лучше, чем... — Я на мгновение задумался, подбирая слова. — Чем должен был после такого... Я попал в аварию?

— Верно. — Ольга Михайловна поправила очки. — Давайте-ка посмотрим.

Я ожидал, что она возьмется за стетоскоп или примется измерять мне пульс — но вместо этого княгиня прикрыла глаза, и уже через мгновение я почувствовал в области груди легкое покалывание. Странное ощущение спустилось ниже, чуть прогулялось по рукам — а потом ушло в ноги.

Да она же меня просвечивает! Сама, без всякого рентгеновского аппарата или мудреной аппаратуры, которой в этой комнате даже нет, хоть меня и собрали по частям меньше суток назад! Куда бы я ни попал, врачи здесь явно умеют кое-что... особенное. По крайней мере, некоторые из них — медсестра Татьяна блистала скорее формами, чем тайным знанием.

Ольга Михайловна всюю гуляла по мне своим «сканером», а я — за неимением других вариантов — в ответ разглядывал ее. Главврач и статский советник медицинского ведомства оказалась моложе, чем я подумал сначала. Серьезность, очки, строгая прическа и не менее строгий халат (во всяком случае, подобранный по размеру) добавляли ей чуть ли не полтора десятка лет, хотя на самом деле она едва ли была намного старше тридцати.

Мне всегда нравились именно такие — взрослые, самостоятельные и умные. Властные и будто покрытые сверху ледяной броней, но внутри хрупкие.

Кому — мне? И как я вообще могу так думать, если мое «всегда» началось каких-то двадцать часов назад?!

В висках вдруг заломило с такой силой, что я закрыл лицо руками и, застонав, вжался затылком в подушку.

— Князь, что с вами? — Ольга Михайловна шагнула вперед, и я снова ощутил покалывание — на этот раз во всех частях тела разом. — Больно?

— Нет... ничего. — Я осторожно отлип от кровати и приподнялся на локтях. — Просто слабость. Пройдет.

— Голова будет кружиться несколько дней. — Ольга Михайловна достала из кармана увесистый блокнот и отлистила пару страниц. — Возможна легкая слабость, но после магического исцеления такого уровня это нормально. А в остальном — все в полном порядке... Удивительно крепкий организм.

Магическое исцеление? Да, это неплохо все объясняло — и мое почти воскрешение из мертвых за какие-то сутки, и излучение Ольги Михайловны, и чуть ли не все остальные странности разом. Впрочем, желания снова копаться в «запретной» зоне памяти как-то не возникало.

— Видимо, именно вас я должен благодарить за свое чудесное спасение, княгиня. — Я кое-как перевернулся на бок. — Вы очень хороший... врач.

— Целитель. — Ольга Михайловна поправила меня, не задумываясь, но вдруг сдвинула брови. — Мне приятно слышать подобные слова, однако к вашему выздоровлению я имею... весьма косвенное отношение.

— Вот как?.. — Я откашлялся. — Интересно...

— Поймите, князь, подобное попросту невозможно... во всяком случае, для мага-целителя пятого класса: резерва не хватит даже на основные операции. Примерно три четверти повреждений восстановились... — Ольга Михайловна на мгновение смолкла. — Я понимаю, что мои слова прозвучат странно, но других у меня нет: ваши раны будто зажили сами собой.

— Медицинское чудо? — улыбнулся я.

— Может быть. Или спонтанно возникшая сильнейшая связь с родовым Источником. Очень редкое явление... и опасное.

— Почему?

— Магия, которая достается от предков, дает многое. — Ольга Михайловна вновь нахмурилась и чуть поджала губы. — Зато и потребовать может немало. Всему есть своя цена.

Резерв. Родовой Источник — именно так, с большой буквы — и своя цена. Еще и загадочное «может быть» из уст Ольги Михайловны, которая, казалось, должна знать вообще все на свете... Слишком много для одного захода!

В висках снова закололо, но я не подал виду. И все же главврач явно сообразила, что я толком не понял примерно трети сказанных ею слов... хотя должен был понять!

— Князь... Александр Петрович. — Щеки Ольги Михайловны вдруг чуть подернулись розовым. — Я понимаю, что правила приличия обычно не допускают подобных вопросов... И все же я ваш лечащий врач, поэтому...

— Моя память? — улыбнулся я. — Так, княгиня?

Оказывается, даже ее можно смутить.

— Да! — Ольга Михайловна с явным облегчением закивала. — Я знаю, ни ваши братья, ни тем более дед не потерпят... Обещаю: все, что вы мне скажете, не покинет этой комнаты. Слово дворянки!

— Благодарю вас, княгиня. — Я все-таки заставил себя приподняться и выполнить хоть что-то похожее на поклон. — Однако тревожиться незачем. Уверяю, если мой разум и пострадал — то не так уж сильно. Нескольких дней вполне хватит, чтобы я вспомнил все... что мне следует знать.

— Даже сущая чепуха может стать причиной пересудов... А причин сейчас и так предостаточно. — Ольга Михайловна снова спустила очки и устало потерла переносицу кончиками пальцев. — Но мне нравится ваш настрой, князь. Отдыхайте. Вам что-нибудь нужно?

Я едва не ляпнул «курить». И тут же снова почувствовал, как виски будто сжимают тисками. Александр Петровичу Горчакову, внуку князя и потомственному дворянину, в свои неполные семнадцать лет баловаться подобным определенно не положено. Так что...

— Газету. — Я огляделся по сторонам, но так и не увидел ничего хотя бы отдаленно похожего на пульт от телевизора. — И, наверное, еще немного поспать.

— Как пожелаете, — кивнула Ольга Михайловна. — Что вам принести? «Петербургский листок»? «Голос»? «Биржевые ведомости»? Может быть, «Смену» или что-нибудь... литературное?

— Все. Если можно. — Я не стал дожидаться, пока княгиня огласит весь список. — И необязательно свежее. Мне стоит... наверстать упущенное.

Ольга Михайловна удалилась и буквально через несколько минут вернулась с целым ворохом печатной прессы. То ли я каким-то образом успел набрать в ее глазах несколько очков, то ли она действительно так сильно опасалась тех самых пересудов — но газеты и журналы принесла сама. Я не стал привередничать и взял первую попавшуюся: мне так или иначе предстояло прочитать все. И, возможно, не по разу.

Издание порадовало мягкой белой бумагой и приличным качеством печати. Я сложил здоровенный лист пополам и начал с заголовка: «Санкт-Петербургские ведомости». Чуть ниже разместился герб — двуглавый орел со скипетром и державой.

Улыбнувшись, я спустился строчкой ниже и прочитал: «№3, пятница, 18-е июля 1967 года».

Тут-то меня и накрыло.

Глава 2

Каждая строчка или фотография в газете вызывала в голове крохотный взрыв, открывавший доступ к очередному куску информации. Я брался за одну ниточку — и тут же зараз вытягивал десяток, сплетенных вместе. Мой разум разгонялся до запредельных частот — тем не менее, и их иногда оказывалось недостаточно, и я снова закрывал глаза и валился на подушку, комкая

в руках ни в чем не повинную бумагу. Однако молодой организм может приспособиться к чему угодно, и уже скоро приступы стали вполне терпимыми, а потом и все сократилось до нескольких секунд звона в ушах.

Так или иначе, спустя примерно полтора-два часа и десяток газет я в общих чертах знал все, что полагается знать шестнадцатилетнему оболтусу, кое-как осилившему несколько классов в Императорском правоведческом лицее. Память восстанавливалась. Пусть обрывками, поверхностно и скорее на уровне привычек и рефлексов, чем вникая в суть, — и все же.

Едва ли в ближайшее время придется демонстрировать что-то по-настоящему сложное — зато в базовых вопросах нравов, этикета и общепринятых норм я не ошибусь. И уж точно не перепутаю «ваше благородие» ни с «сиятельством», ни со «светлостью», ни уж тем более с «императорским величеством». Без труда обращусь к любому из них по всем правилам. И — если придется — сделаю это на английском и французском.

Некоторые вещи в мою голову, к счастью, вбили намертво. Все-таки дворянское происхождение подразумевает некоторое количество обязанностей. Помимо привилегий, прав, вольностей и древнего Дара, поднявшего аристократию над простыми смертными на невысказанную высоту.

Впрочем, в моей памяти родовая магия оказалась чем-то труднодостижимым, далеким таинством не для всех. Почти неизвестным, непонятым — и поэтому скорее опасным, чем привлекательным... А ведь я вполне мог научиться чему-то стоящему — раз уж почувствовал, как Ольга Михайловна просвечивает меня одним лишь взглядом.

Но почему?! Кто в своем уме отказался бы от подобного — будь у него такая возможность?

К моим услугам были воспоминания за неполные семнадцать лет, и среди них я нашел только малопомянутые формулировки вроде «удаленность от родового Источника», «третий ребенок» и «посредственные врожденные способности». Похоже, истинной причиной моей магической бездарности стала самая обычная лень... Я без труда откапывал целые тонны информации о модных журналах, клубах, рок-ансамблях, певчихах, актрисах или автомобилях — но ничего по-настоящему нужного и полезного.

Ерунда какая-то... И этот бесполезный недоросль — я?

Вздыхнув, я отогнал мысли о куреве и потянулся за очередной газетой. На этот раз мне попался «Вечерний Петербург». Какая-то светская хроника. Свежая — дата стояла сегодняшняя — и, похоже, не слишком крутая. Раз уж мои прегрешения попали аж на первую полосу.

«Сумасшедшая гонка по Невскому проспекту, — прочитал я. — Александр Горчаков при смерти».

Ха. Три раза ха. Слухи о моей почти гибели оказались... сильно преувеличены. Мастерство Ольги Михайловны и родовой Источник, о котором я имел весьма скудное представление, выгнали меня с того света.

Вот только явно не избавили от проблем на этом.

«По сообщениям очевидцев, вчера примерно в семнадцать ноль-ноль молодые люди из числа наследников дворянских родов в очередной раз нарушили прямое указание...»

Я перескочил пару строчек.

«...гонку по центральной части Санкт-Петербурга. Неуместное спортивное мероприятие закончилось трагически: на пересечении Невского проспекта и Садовой улицы Александр, младший внук князя Александра Константиновича Горчакова, находившийся за рулем

ГОРЧАКОВ. ЛИЦЕИСТ

автомобиля НАЗ-25 «Волга СК-3», не справился с управлением и на скорости порядка ста десяти километров в час...»

О дальнейших событиях можно было и догадаться, и все-таки я не поленился прочитать до конца. По версии автора статьи, за рулем второй машины, участвовавшей в «безобразном состязании», был Дмитрий, сын вдовствующей княгини Воронцовой. Который скрылся с места событий до приезда бригады медиков и полиции. А несчастный Александр Горчаков — то есть я — был доставлен в Мариинскую больницу на Литейном проспекте в крайне тяжелом состоянии.

На этом полезная информация заканчивалась... а статья продолжалась. Изложив события, автор бесцеремонно обрушился на местную «золотую молодежь», заодно припоминая все предыдущие прегрешения. И Воронцова, и, к сожалению, мои. Их было не так уж и много, и все они не отличались каким-то особенным масштабом — но на мгновение я даже испытал стыд. Так что оставалось только внутренне согласиться с автором.

А заодно и поблагодарить его за возможность хотя бы примерно понять, как я выгляжу. Борзописцы явно верстали макет газеты в спешке, торопясь поскорее выплунуть в киоски свежий тираж, и фотографию выбрали не самую удачную. Там я был запечатлен вполоборота и в окружении других людей. Однокашников из лица — судя по форме. То ли дело было в ракурсе, то ли я действительно выделялся среди них ростом — почти на голову выше остальных. И, возможно, чуть постарше — судя по пробивающейся на лице и шее щетине.

Знакомое — и одновременно как будто чужое лицо. В нем неуловимо проглядывало что-то восточное или южное, а темные волосы лишь дополняли впечатление.

Черно-белая фотография не могла передать цвета глаз; впрочем, я и так знал, что они у меня карие.

Самая обычная рожа. В меру приятная, но не выделяющаяся. На любой улице наверняка запросто найдется десяток похожих парней. Таких же молодых и бестолковых.

Я с кряхтением откинул одеяло и сбросил ноги на пол. Пришло время опробовать тело. Худощавое, легкое, несмотря на немалый рост, — хотя, похоже, достаточно крепкое, раз уж оно смогло пережить такую аварию. Не отыскав ничего похожего на обувь, я заковылял к окну босиком. Из одежды на мне имелась только больничная роба, однако я ничуть не смущался — все равно палата для персон дворянского происхождения предполагала наличие только одного пациента, а гостей я не ждал...

Впрочем, зря. Стоило мне откинуть занавеску и кое-как разглядеть сквозь деревья до боли знакомый Литейный проспект, как за дверью раздались шаги. Возвращаться под одеяло в любом случае было уже поздно, так что оставалось только усесться на подоконник и сделать вид, что так и надо.

— Ваше сиятельство, вы уже встали? — Удивление в голосе Татьяны казалось вполне искренним. — Ольга Михайловна говорила...

— Мне уже лучше, — улыбнулся я. — Просто захотелось выглянуть наружу.

— День хороший. Редкость в нашем городе... даже летом. — Татьяна переступила с ноги на ногу, цокнув каблучком по полу. — Ваше сиятельство, мне велели никого не пускать, но один господин уже полчаса...

— Пусть заходит. — Я поднялся с подоконника и поправил одежду. — Немного общества мне не повредит.

В не до конца закрытую Татьяной дверь вдруг просунулась чья-то голова. Чуть растрепанная, с седой бо-

родкой кольшком и в круглых очках. Явно уже немолодая — но розовощекая и почему-то до неприличного улыбчивая.

— Вы позволите, ваше сиятельство?

— Да, конечно, — кивнул я. — Прошу, входите.

Обладатель головы, невысокий полноватый человек в сером костюме, тут же распахнул дверь. С явным сожалением проводил взглядом Татьяну, едва слышно вздохнул... и засеменял ко мне, чуть было не выронив портфель из черной кожи.

— Колычев Сергей Иванович. Титулярный советник судебного ведомства... в отставке, конечно же! — Человек хохотнул и протянул мне маленькую ладошку. — А ныне — поверенный их сиятельств князей Горчаковых. Вел дела вашего деда и родителя, теперь вот — брата Константина... Друг семьи, можно сказать.

— Колычев, поверенный, да... — улыбнулся я, — припоминаю.

Хотя ни черта я, конечно же, не припоминал. Этот жизнерадостный дядька лет то ли пятидесяти, то ли шестидесяти с гаком не раз мелькал и в Елизаветино, и в нашем доме здесь, в Питере, — однако я так и не потрудился узнать, кто он вообще такой.

Ладонь у Колычева оказалась потной и липкой, но рукопожатие — неожиданно крепким. Да и в целом впечатление он производил скорее приятное, несмотря на суетливость и бегающие глазки. А неуклюжее стеснение, с которым он тискал свой портфель и никак не находил места, чтобы устроиться, ему в каком-то смысле даже шло.

— Устраивайтесь, ваше благородие. — Я указал рукой на единственный стул у стены, а сам плюхнулся обратно на кровать. — Чем обязан?..

— Проведать ваше сиятельство! — Колычев так энергично потрянул головой, что едва не потерял очки. — Вы уж простите, что так поздно... Как узнал — тут же, сразу! Такое несчастье... Ваш дедушка чуть с ума не сошел! Да и Константин — ему сейчас особенно нелегко... Ну, вы же понимаете, с тех пор...

С тех пор, как погибли родители: разбились на машине по дороге в Елизаветино, наше имение под Гатчиной. Ровно два года назад, почти день в день... Вот так совпадение. Я без труда выудил это из памяти, вот только особой тоски почему-то не испытал.

Наверное, просто уже успел привыкнуть.

На старшего брата легли все дела семейства. И он тянул чуть ли не в одиночку: Миша не вылезал с учений, а от почти столетнего деда и недоросля толку было немного. Зато вред... вред присутствовал.

Да уж. Удружил я Косте, ничего не скажешь.

— Как видите, я жив и будто бы даже здоров, — проговорил я. — Княгиня Бельская умеет творить чудеса.

— Приберегите это для интервью, ваше сиятельство. Не смею сомневаться в таланте княгини, но подобное... нет, такое не под силу даже ей. Однако чудо действительно случилось! И мне, как другу семьи, — Колычев склонился вперед и заговорщицки подмигнул, — вы можете смело рассказать, как все было на самом деле!

— Боюсь, сказать мне нечего, — вздохнул я. — Наверное, просто повезло.

— Если так — пусть вам везет и дальше, дорогой друг. — Колычев снова широко улыбнулся, хотя в его глазах на мгновение мелькнуло разочарование. — В таком случае, не смею вас больше утомлять... Но скажите, князь Воронцов уже почтил вас визитом?

Воронцов? Еще один любитель гонок по Невскому?

ГОРЧАКОВ. ЛИЦЕИСТ

— Нет. — Я на всякий случай даже промотал в уме весь день — с самого пробуждения. — А должен был?

— Видите ли, какое дело... — Колычев поднялся и прижал к груди портфель, словно пытаясь от чего-то защититься. — Я взял на себя смелость говорить с его сиятельством... И советовал ему посетить вас здесь: так сказать, замять дело без шума... без скандала.

— А в чем, собственно, вопрос? — удивился я. — Мы в равной степени виновны перед ее императорским величеством и всем дворянским сословием. Разве не так?

— Мудрые слова, друг мой! — Колычев яростно закивал. — Однако следует ли забывать, что его сиятельство князь Воронцов куда старше вас? И то, что простительно вам, юноше, для него неприемлемо! И если уж он втянул вас в действие, которое едва не закончилось трагедией для всего вашего рода, вы вправе... вправе требовать извинений!

За то, что я до неполных семнадцати лет не перестал быть малолетним идиотом?

— Позвольте напомнить вашему благородию, что я в первую очередь титулованный дворянин и лишь во вторую — юноша. — Я чуть возвысил голос. — И нет никакого достоинства в том, чтобы за мои проступки ответил другой.

— Как пожелаете, ваше сиятельство. Не смею спорить! — Колычев попятился к двери. — Но знайте: что бы ни случилось, я всегда и всецело на вашей стороне.

— Премного благодарен, — буркнул я.

Расшаркивания уже успели меня утомить.

— Ваше сиятельство... Не знаю, успели ли вы поговорить с братьями, но если вам что-нибудь нужно — здесь, в больнице, — только скажите! Я распоряжусь доставить...

Почему бы и нет?

— Ну... думаю, накормить меня накормят, так что только книги. В первую очередь — по истории и географии. — Я на мгновение задумался. — Буду восполнять пробелы, раз уж есть такая возможность... И неплохо бы хоть какую-то одежду. Уж не знаю, кто еще решит навестить меня, не хотелось бы встречать их в больничной робе.

— Книжки?.. — Колычев явно ожидал услышать что угодно, кроме этого, однако тут же снова лучезарно улыбнулся и двинулся к двери. — Как пожелаете, ваше сиятельство! Сделаем все в лучшем виде!

Поверенный нашего благородного семейства был отчаянно мил, но когда его шаги стихли в коридоре, я вздохнул с облегчением.

— Господи, избавь меня от друзей, — пробормотал я, укладываясь обратно на кровать, — а от врагов я как-нибудь избавлюсь сам.

Неведомо откуда всплывшая в голове фраза кого-то из почивших мудрецов вернее некуда отражала... суть. Услужливость и любезность Колычева не только успели смертельно надоест, но и вполне могли втянуть меня в очередную историю. Если память отшибло не окончательно — Воронцов был тем еще засранцем. И уж конечно, не стал бы извиняться, вздумай я этого требовать.

Впрочем, это почему-то волновало меня не так уж сильно.

Глава 3

Все, что я заказывал, привезли где-то через час или два. К счастью, не сам Колычев. Хмурый невысокий мужик притащил две авоськи — и не только с полным комплектом одежды и издававшими виды книгами в кожаном переплете, но и... с комиксами?

— Я что, это читаю? — Я покрутил в руках что-то цветасто-глянцевое с крупными буквами и здоровенным мужиком в черном плаще на обложке. — М-да-а-а...

Еще как читаю... читал — подсказала память. И даже находил все это дело занимательным. И уж точно в здравом уме не взялся бы за книги.

Значит, будем считать, что мой ум теперь не здоровый.

Вместе с одеждой и остальным Колычев отправил мне целый мешок сладостей — печенья, карамелек и конфет «Коровка». Конечно, я бы скорее предпочел курево...

Черт, да с чего я вообще все это взял?! И откуда у меня тяга к табаку? Будь каши в голове чуть меньше, я бы уже перестал обращать внимание на странные мысли. Вот только они все появлялись и появлялись откуда-то. Я посмотрел на лежавшую у меня на ладони конфету и понял: где-то я это уже видел.

Фантик был другого цвета, заворачивался иначе — смешным вытянутым конвертиком, но конфета — та же самая! И я тут же представил, как еще детскими пальчиками цеплял кончик засахарившейся бумажки, добирался до лакомства и...

— Да твою ж... матушку! — Я схватился за полыхнувшие виски. — Все! Понял! Больше не буду...

Боль накинута снова — будто поджидала, когда я опять попытаюсь проникнуть в запретное. Однако на сей раз оказалась не такой сильной: похоже, сказывались «тренировки». Ломота в висках прошла через пару минут, и я устроился на подушке с «Историей государства Российского в кратком изложении» древнего издания. Похоже, еще дореволюции...

Чего?.. Тьфу ты, кому скажешь — засмеют. Уж три с лишним сотни лет Романовы на престоле, дай Бог Екатерине Александровне здоровья. Не было тут никаких

революций, да и быть не могло. Мы ж не Франция какая...

Я перелистывал страницу за страницей, то и дело переключаясь на книжки по другим странам — когда не хватало понимания. Древний мир: Египет, Греция, а за ними и Римская империя: преданья старины глубокой.

То ли тогда Одаренных было слишком мало, то ли они еще не обрели настоящего могущества... то ли благоразумно предпочитали держаться в тени. Гроза разразилась позже — в Средние века. Болезни и войны за осколки античного наследия, продолжавшиеся чуть ли не тысячу лет, не раз выкашивали Европу едва ли не на треть, но не меньше унесли и костры Инквизиции.

Одаренные больше не могли — или просто не стали — скрываться, и их менее удачливые братья по виду homo sapiens устроили самую настоящую охоту на ведьм. Правители, которым не досталось магических способностей, объявляли войну соседям, а чернь и мелкие землевладельцы вешали и сжигали «колдунов» без суда и следствия. Общее число жертв исчислялось чуть ли не миллионами, а Одаренные гибли тысячами. Но среди них нашлись и те, что не стали прятаться, вступили в войну...

И победили. Зализали раны, кое-как навели порядок — а потом положили начало и современным державам, и большинству знатных фамилий. По-видимому, в том числе и роду черниговских князей, от которых произошли Горчаковы. Некоторые периоды европейской — впрочем, как и российской — истории были описаны довольно скупо и сбивчиво, но по всему выходило, что не владеющая магией аристократия в течение пары столетий то ли породнилась с Одаренными, то ли неторопливо и бескровно перекочевала в иные сословия... то ли просто-напросто вымерла естественным образом.

— Ну да... — пробормотал я, переворачивая страницу. — Именно так все и было.

В некоторых местах историю явно шили белыми нитками — и шили намного позже. Вряд ли Одаренные оказались такими уж невинными овечками, сменившими ремесло целителей и прочих мирных и безусловно полезных в хозяйстве профессий на полноценную боевую магию лишь после нескольких веков геноцида. Наверняка суровая реальность не обошлась без знатной резни. Средние века выглядели, как им и положено: мрачными, кровавыми и беспросветными.

Пока не сменились Ренессансом. Под мудрым руководством Одаренной аристократии и правящих династий мир понемногу выбрался из ямы и принялся активно развиваться. Войны еще случались — и все еще иногда оказывались продолжительными и опустошающими, хотя ощутимого отката уже не вызывали. Последняя крупная заварушка в Европе закончилась оглушительным поражением Наполеона Бонапарта под Смоленском.

Князь Багратион выставил против артиллерии и срока тысяч солдат несколько сотен боевых магов-стихийников. Половина дворян — как и сам князь — погибла, зато в очередной раз доказала преимущество силы Одаренных над армиями и оружием. Корсиканский коротышка уполз зализывать раны к себе в нору, и уже к середине девятнадцатого века в Европе и вовсе наступил долгожданный покой по всем фронтам.

США почти бескровно отделились от Британии в тысяча семьсот семидесятом и формально до сих пор оставались частью Содружества, попутно потеряв несколько штатов, пожелавших сохранить статус колоний. На юге Америки произошло примерно то же самое — только чуть

позже. Часть территорий откололись, воспользовавшись восхождением звезды Наполеона и общеевропейским бардаком, а где-то треть предпочли остаться под флагом испанского монарха. Китай и Япония не слишком-то стремились к контакту ни с соседями, ни с кем-либо еще.

Что, впрочем, ничуть не мешало последней с завидной регулярностью поднимать вопрос о Курильских островах... И это почему-то вызвало у меня непонятное раздражение.

— Вот заразы... — Я пролистал еще несколько страниц заботливо положенного Сергеем Ивановичем географического атласа. — Обойдутся.

Австралия сохранила британское подданство — как и примерно треть Канады и чуть ли не половина Африки. Да и вообще вся южная часть политической карты напоминала лоскутное одеяло, сшитое из кусочков всего нескольких цветов. Похоже, могучие рода Одаренных не только написали свою версию истории, но и попилили сам мир на куски. И держали крепко. Большая часть закономерно отошла Британии, Испании и Франции, хотя немало урвали и османы, и Германия.

Точнее, Священная Римская империя германской нации. Алая клякса, расплзшаяся от изрядно погрызенного соседями «сапожка» Италии до самого Балтийского моря, выглядела грозно. Настолько, что я на мгновение удивился: как мы вообще смогли целых полтора столетия ограничиваться лишь колониальными разборками и вялыми боданиями на Ближнем Востоке?

В которых Российская империя если и участвовала, то, похоже, без особого энтузиазма. В приятный глазу синий цвет были окрашены всего несколько искорок на территории обеих Америк, клочок Африки и еще что-то невразумительное к югу от здорового желтого Китая.

— Ну и ладно. — Я протер уставшие глаза и отложил атлас. — Зато Аляска наша.

Я просидел с книгами несколько часов, и вечер уже должен был наступить, но на улице так толком и не стемнело: похоже, питерские белые ночи еще не уступили права обычным. Литейный проспект и деревья за окном застыли в сером сумраке и не менялись. Часов в палате почему-то не имелось, а возиться с телевизором я не хотел, так что оставалось измерять время разве что кружками чая, которые приносила заботливая Таня.

С каждым приходом ее халатик выглядел еще короче, а соблазнительные формы то и дело норовили будто бы случайно уткнуться мягким теплом в плечо — однако мне кое-как удавалось делать вид, что я не обращаю внимания...

Но на самом деле я еще как, блин, обращал!

Похоже, Источник закачал в меня магии по самое не балуй, и теперь восстановившееся молодое тело отчаянно требовало избавиться от излишков сил понятным, приятным и, что самое важное, доступным способом.

Стоит протянуть руки — и Танины прелести сами с готовностью пристроятся в ладони. Для эффектной и не слишком обремененной моралью девушки из простой семьи один только факт... внимания дворянина — уже золотой билет в лучшую жизнь. А за шанс забеременеть она сама стащит с меня больничную робу, если я хотя бы намекну. И ее не остановит ни мой нежный возраст — я был на три-четыре года моложе ее самой, — ни уж тем более робкие попытки сопротивления.

У-у-у, зараза, хороша... Так и ходит, крутит... этой самой. А если все-таки?..

Нет. Нельзя! И так вляпался по самые уши.

Я шумно выдохнул и обеими руками вцепился в «Историю государства Российского», будто томик в портном кожаном переплете как-то мог спасти меня от греховных мыслей.

И только когда цокот Таниных каблучков стих вдалеке за дверью, позволил себе подняться, засунуть ноги в тапки и прогуляться до окна. Там почти ничего не изменилось: все те же здоровенные вывески на домах в просветах деревьев, ограда, газон и асфальт вдоль здания.

Добавилась только одна деталь: черная «Волга» с затемненными стеклами, припаркованная чуть ли не напротив центрального входа в больницу. Не двадцать пятая спортивная модель — вроде той, что я размотал о столб, — а предыдущая, двадцать четвертая. И что-то подсказывало, что передо мной не обычная «баржа», а ее сестра-близнец с восьмицилиндровым двигателем от «Чайки» вдвое мощнее обычного.

Костя говорил, что такие почти невозможно купить: эти машины начали делать специально для Третьего отделения Собственной Ее Величества канцелярии всего года полтора назад, и даже столичной полиции они доставались редко. Но если так...

Мои размышления прервал резкий звук. Сначала я подумал, что это ожил мотор «Волги», — но нет. Низкий раскатистый рев донесся с проспекта и с каждым мгновением становился все ближе. Казалось, водитель с трудом сдерживает рвущиеся на волю лошадиные силы, заставляя машину неторопливо ползти по асфальтовой дорожке к белым колоннам больницы.

— «Понтиак ГТО», американец, — пробормотал я, — шестьдесят пятого года...

Его сиятельство князь Воронцов все-таки решил почтить меня своим визитом.

Глава 4

Даже рядом с заряженной «баржей» «Понтиак» смотрелся... внушительно. Стальной монстр, блистающий в вечернем полумраке хромом и темно-синим глянцем, с вытянутым капотом, под которым скрывался целый табун лошадей. Двухдверный американец стоил астрономических денег — даже для наследника богатого княжеского рода, и Воронцов следил за любимой игрушкой. Отгонял мыть каждый день, а то и не по разу...

Один взгляд на машину, которая едва меня не угробила, всколыхнул что-то внутри. Я будто снова увидел мелькающие по сторонам дома и стрелку спидометра, перевалившую за отметку сто двадцать. Снова почувствовал предвкушение, радость победы — а потом удар, рванувшееся из рук ребристое колесо руля, грохот, боль...

Удар? Нет, все-таки два... Черт!

Фонарный столб распорол капот отцовской «Волги» чуть ли не до самой кабины — но перед этим что-то толкнулось в дверь с моей стороны. Машина Воронцова едва ли не вдвое мощнее, он на пять лет старше меня и водит лучше — но ту гонку засранец проигрывал.

— Вот скотина... — прошипел я сквозь зубы.

Вытряхнуть из мешка и натянуть на себя ботинки с круглыми носами, узкие серые брюки и рубашку было делом пары минут. В голове еще немного шумело, руки и ноги двигались не без труда, однако я не собирался встречать Воронцова на больничной койке... и уж тем более в халате.

Ни в коридоре, ни на лестнице мне никто не встретился. Даже Таня куда-то подевалась. То ли я вообще оказался единственным пациентом в этом крыле, то ли

просто разминулся с остальными. И хорошо — вряд ли кто-то из персонала посмел бы остановить рвущегося на первый этаж дворянина, хотя подобное указание от Ольги Михайловны у них наверняка имелось. Уже выходя в центральную залу, я заметил, что всю дорогу сжимал кулаки.

Зачем, интересно? Собираюсь бить Воронцова? Взрослого Одаренного, первого и единственного сына в семье? Ну-ну...

— Ваше сиятельство, — пробормотал дедок-вахтер в непонятного цвета ливрее, поднимаясь мне навстречу, — не велели же...

— Потом! — рявкнул я.

Дедка как ветром сдуло — он рухнул обратно на стульчик и спрятался за конторкой, будто став еще меньше. То ли у меня был настолько взъерошенный и грозный вид... то ли оживший родовой Источник наделил меня тем, чем я пока еще не мог воспользоваться — но что прекрасно чувствовали окружающие. Сначала Миша, теперь несчастный вахтер...

Интересно, с Воронцовым тоже сработает?

— Князь?

Я все-таки не успел заметить его первым — хоть это и было непросто. Среди немногочисленной публики в центральной зале больницы Воронцов выделялся не только статью и ростом под два метра, но и одеждой. Лакированные ботинки блестели чуть ли не ярче ламп под потолком, а костюм тянул на две-три сотни имперских рублей, не меньше. Светло-бежевый, с рубашкой в полоску и узким черным галстуком. Так в последние года два-три одевался практически весь столичный молодняк. Просто Воронцов всегда был первым.

Модник хренов.

— Ваше сиятельство.

Я чуть склонил голову — ровно настолько, насколько того требовал этикет. Для рукопожатия мы стояли слишком далеко друг от друга — и, похоже, обоим это вполне устраивало.

— До меня доходили слухи, будто вы, сударь, желаете меня видеть.

Воронцов провел рукой по светлым зачесанным назад волосам, поправляя и так безупречную прическу. Похоже, нервничал. После вчерашнего он наверняка ожидал встретиться едва ли не с покойником — и мой вполне живой и бодрый вид... Нет, конечно, не напугал его — но уж точно удивил и обескуражил.

— В таком случае — хотел бы я знать, кто их распускает, — сказал я. — Потому как желания видеть вас у меня нет... сударь.

Спокойнее, Горчаков. Спокойнее. Не хватало еще нарваться на новые неприятности, не покинув... место излечения от старых.

— Будьте уверены — это взаимно. — Воронцов лучезарно улыбнулся. — А то я уж ненароком подумал, что вы собираетесь требовать от меня извинений.

— Не собираюсь. — Я сложил руки на груди и, не удержавшись, добавил: — Хотя мне и неприятно думать, что вы могли поступить...

— Как? — Голос Воронцова вдруг стал вкрадчиво-негромким. — Как я поступил? Мне послышалось или вы желаете в чем-то обвинить меня?.. Меня. Вы.

Все разговоры вокруг уже успели стихнуть, и теперь Воронцов старательно работал на публику. Немногочисленную — но достаточно внимательную. Уже завтра каждое слово нашей беседы узнает весь Петербург. Особенно вот это презрительное «Меня. Вы».

— Если бы я желал обвинить вас, князь, я бы так и сделал, а не занимался словоблудием.

— Ну так и не занимайтесь, любезный. — Воронцов издевательски приподнял белобрысые усики. — Не понимаю, что вы имеете в виду... Могу и рассердиться.

Нарывается. Изо всех сил наывается, сволочь. При свидетелях.

— Все ты понимаешь. — Я шагнул вперед и заговорил тише — так, чтобы не услышал никто другой: — Не можешь ездить — так хотя бы сливай честно.

На мгновение на лице Воронцова мелькнул испуг. Потом — злоба, но она тут же сменилась привычным благодушным выражением. И когда он снова заговорил, все вокруг наверняка увидели беседу если не лучших друзей, то уж точно — приятелей.

— Да говори кому хочешь, — прошипел Воронцов мне прямо в лицо. — Твое слово против моего — ничего, ноль без палочки. Ты щенок и бездарь...

— Зря ты это, князь, — вздохнул я. — Зря.

Дрожь в руках вдруг прошла. Совсем. Отступила и ярость: не погасла, а просто остыла, рухнув куда-то в живот ледяной глыбой. Будто кто-то очень большой и сильный стал за моей спиной, положил руки на плечи и тихонько шепнул: «А вот теперь — можно».

— Давай, беги, жалуйся брату, сучонок, — так же белозубо улыбаясь, продолжал Воронцов. — Плевать я на него хотел. И на деда твоего, маразматика старо...

Я ударил: без изысков выкинул кулак прямо в дергающиеся усики. Вышло неожиданно хорошо и мощно, будто я занимался этим каждый день. Голова Воронцова мотнулась назад, а я уже бил снова. Раз-два, левой-правой. Получил сам — то ли ладонью, то ли вообще локтем. В глазах тут же потемнело; впрочем, я неплохо справился

и вслепую. Нырок, уход вбок, коленом между ног — плевать на приличия — и сразу же ребром ладони снизу в подбородок. Или в горло — если повезет.

Что-то негромко хлопнуло, и щеку лизнул жар. Воронцов не только был вдвое сильнее и крупнее меня, но и не стеснялся использовать магию. Вот только я уже поймал кураж и вколачивал в него все излишки сил, оставленных Источником. Отступил, перехватил неуклюжую большую руку — и тут же ударил сам, с грохотом роняя тяжелое тело на пол. Мы свалились вместе, но я оказался сверху, тут же уселся на Воронцова и принялся вбивать...

— Прекратить!!!

Только что обожженную щеку снова шарахнуло — на этот раз холодом. Досталось и боку, и большей части спины. Меня сорвало с вяло трепыхавшегося Воронцова, швырнуло вперед и протащило метра три по каменному полу. Неожиданно скользкому... будто он вдруг покрылся тонким слоем льда.

— Князь... оба! — Ольга Михайловна потрясла рукой, стряхивая уже угасающие голубоватые искорки. — Немедленно прекратите это безобразие!

Строгая прическа ничуть не растрепалась — однако глаза за стеклами очков метали молнии. Главврач превратилась в грозную воительницу, от которой во все стороны по полу и стенам расползлся иней. Я без страха набросился на здорового Воронцова — но сейчас почти испугался.

Маг пятого класса — пусть даже маг-целитель — это вам не фокусы и пиротехника. Настоящая сила Одаренного. Размажет, и слово «мама» сказать не успеешь.

— Прошу меня... извинить. — Я кое-как отлип от норовившего схватить рубашку льдом пола. — У нас с его сиятельством... вышло недоразумение.

— В таком случае постарайтесь, чтобы в следующий раз ваши недоразумения происходили подальше от моей больницы! — Ольга Михайловна поправила лацканы халата. — Отправляйтесь к себе, князь. И настоятельно не советую вам появляться здесь.

Я так и не понял, к кому она обращалась... Ноги, цокающие каблуками к лестнице, наверняка выглядели более чем эффектно, но мое внимание было приковано к Воронцову. Он перекатился на бок, посмотрел волком на меня, потом на удаляющуюся княгиню... и, похоже, решил, что на сегодня разборок уже хватит. А невольные зрители шоу тут же принялись усердно делать вид, что ничего и вовсе не произошло, — в гробовой тишине дружно пялились в потолок.

И только бедный дедок в ливрее до сих пор испуганно тарасился на меня из-за своей конторки.

— Офигеть... — раздался голос со стороны входа.

Я обернулся и тут же встретился глазами с девчонкой примерно Таниных лет.

Занятная особа. Джинсы с кроссовками, блузка и короткая кожаная куртка, перетянутая наискосок ремешком фотоаппаратного футляра. Если бы не убранные под повязку темно-русые волосы, незнакомку вполне можно было бы принять за парня.

Невысокого, худощавого и очень-очень смазливового парня.

— Офигеть, — повторила она, наводя объектив прямо на меня. — Вот это было круто.

Щелчок затвора — и явно не первый. Судя по всему, на пленку попала вся наша с Воронцовым баталия... И я тут же представил себе первую полосу завтрашней светской хроники.

Блестяще, Горчаков. Десять побитых князей из десяти.

Видимо, Воронцов считал примерно так же. Поднялся, отряхнулся, поправил помятый пиджак и заковывлял к выходу, стараясь не смотреть на людей. И только когда девчонка с фотоаппаратом чуть ли не в упор щелкнула его, обернулся расквашенной рожой и сквозь зубы произнес что-то резкое и шипящее.

Горе-репортерша ойкнула и выпустила внезапно вспыхнувшую алым пламенем камеру. Та тут же громынула о пол и брызнула во все стороны осколками объектива. А сама фотолюбительница встряхнула обожженными пальцами, пошатнулась и, не удержавшись, с размаху уселась на пол.

У меня вдруг возникло желание догнать Воронцова и всыпать ему еще раз — но сил хватило только кое-как встать на ноги и сделать пару шагов.

— Ну вот, — вздохнула девчонка. — Вторая камера за месяц. Не везет так не везет.

— Прошу простить меня, сударыня. — Я протянул руку. — Моя семья возместит вам ущерб... за нашу с князем выходку.

— Да какая я сударыня... ваше сиятельство. — Девчонка улыбнулась, крепко обхватила мою ладонь и рывком поднялась с пола. — Вроде не благородных кровей. Где вы научились так драться?

— Самому интересно... — пробормотал я.

Уж точно не в лицее. И вряд ли дома — Миша предпочитал отрабатывать на мне приемы, а не делиться ими.

— Так... стойте ровно. — Девчонка вытащила откуда-то платок и осторожно промокнула мне над верхней губой. — Больно?

— Нет. — Я пожал плечами. — Ерунда.

Я не собирался строить из себя героя. Просто не почувствовал боли. Но теперь она понемногу начинала о себе заявлять. Воронцов тоже постарался и расквасил мне нос. После разборок и драки прикосновения моей новой знакомой казались почти приятными. Впрочем, хорошее всегда заканчивается куда быстрее, чем плохое. Девчонка убрала платок, отступила на шаг, склонила голову набок, оценивая свою работу, — и, похоже, осталась довольна.

— Идите и умойтесь. Или Бельская вас с потрохами съест!

Я так толком и не понял, что нужно делать с ее протянутой рукой, так что от манерного поцелуя отказался — и все же позволил себе удержать девичьи пальцы чуть дольше, чем того требовали приличия.

И все равно прощание вышло каким-то скомканным. Только когда попавшая под раздачу фотолюбительница скрылась за дверью, я сообразил, что не узнал ни адреса, по которому следует отправить компенсацию за разбитую камеру... ни даже имени.

Такие вот дела. Оставалось только развернуться и топтать обратно в палату. И надеяться, что Ольга Михайловна не поджидает где-нибудь на лестнице с целью добраться до моих потрохов.

Повезло — я снова никого не встретил. «Дворянское» крыло больницы будто вымерло, и даже снаружи наконец наступили ночь и темнота, в которой сквозь деревья просвечивали огни Литейного. Могучая бричка Воронцова исчезла: его сиятельство поспешил домойлизывать полученные в бою раны.

И только черная «Волга» никуда не делась — все так же стояла под окнами. Прямо напротив входа.

Глава 5

– Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?

– Черные черепа? Они... они страшные.

– Может быть. Это особый знак. Его использовали...

– Давно? Еще до войны?

Я открыл глаза. И тут же заслонился рукой от солнца — лучи пробивались между шторами и лупили прямо в лицо, разгоняя остатки сна... Очень странного сна.

– Вставайте, князь, вас ждут великие дела.

Костя заерзал на стуле, потянулся и откинул со лба волосы. Длинные и чуть вьющиеся. Темные — однако не черные, как у отца и у нас с Мишей, а отдающие рыжиной. Дед все время ворчал, что старший брат испортил всю горчаковскую породу: уродился рослым, но художным — да еще и с голубыми глазами.

Как у мамы.

– Давно тут сидишь? — спросил я.

– Минут десять, — пожал плечами Костя. — Не хотел будить.

– А как же дела? Тебя в Зимнем не ждут?

– Да ну их... — Костя махнул рукой. — Денек обойдутся и без меня. Может же наследник княжеского рода, в конце концов, лично забрать из больницы родного брата?

– Забрать? — удивился я. — Прямо уже вот так?

– Прямо так. Княгиня Бельская убеждена, что ты здоров... даже слишком. — Костя подхватил со стула брюки и бросил на кровать. — Так что надевай штаны — и айда выписываться.

Здоров, и даже слишком. Похоже, мои вчерашние подвиги уже известны брату. А может, и не только ему.

– Уже рассказали? — мрачно вздохнул я, засовывая ноги в штанины. — Деду?..

— И деду тоже. — Костя поморщился, будто вспоминая что-то особенно неприятное. — Так что пощады не жди.

— Да и ладно! — Я сердито рванул рубашку, натягивая рукав. — Пусть хоть что делает — извиняться не стану. Буду я еще слушать, как этот козел меня и всю семью опускает!

— Опускает? — зажмурившись, повторил Костя. — Слово-то какое... Так ты, выходит, за дело?..

— Ага. — Я поправил ворот. — За себя — ну и за деда тоже. А ты бы как сделал?

— Я бы... — Костя почесал подбородок и вдруг хитро улыбнулся. — Что, прямо вот так? Воронцову — по морде, кулаками кровь пустил?

Я не стал отвечать. Но брат ничуть не рассердился — скорее наоборот. В его глазах вдруг мелькнула хулиганская искорка. Та самая, которую я почти не видел со смерти родителей. Тогда он превратился из просто Кости в Константина Петровича, князя, члена Государственного совета, фактического главу рода — вместо удалившегося на покой деда... Превратился так быстро, что сам не успел заметить.

— Ладно, пойдем, герой. — Костя хлопнул меня по плечу и шагнул к двери. — Покажемся княгине — и домой.

Я понятия не имел, куда идти, но брат уверенно показывал дорогу и через несколько минут уже открыл передо мной дверь. Солидную, из тяжелого темного дерева, с золотыми буквами — как и положено. Хозяйка кабинета в кожаном кресле возвышалась над столом, который занял бы примерно половину моей больничной палаты... Не самой маленькой, между прочим.

— Присаживайтесь. — Ольга Михайловна указала кончиком ручки на пустые кресла напротив входа и коротко кивнула мне. — Князь...

— Ваше сиятельство. — Я склонил голову и уселся напротив брата. — Еще раз прошу простить меня за вчерашний беспорядок.

— Извинения приняты. — Ольга Михайловна чуть сдвинула брови. — Я надеюсь, подобное не повторится... однако сейчас речь не об этом. Как вы себя чувствуете, князь?

— Просто отлично. — Я пожал плечами. — Вчера немного кружилась голова, но сегодня все прошло. Я абсолютно здоров.

— Это видно, — усмехнулся Костя. — И все-таки хотел бы я знать, как случилось такое... чудо.

— И я тоже, князь. — Ольга Михайловна отложила ручку. — Однако, к сожалению, могу лишь догадываться. Некоторым родовым Источникам больше тысячи лет — вот только мы до сих пор не можем изучить их как следует.

— А стоит ли? — Костя пристроил руку на подлокотник. — Я верю в современную науку, но кое-какие вещи... лучше не трогать.

— Не могу не согласиться. — Ольга Михайловна посмотрела на меня, и я на мгновение снова ощутил прикосновение ее Дара. — Раньше с Александром... Петровичем подобного не происходило? Может быть, давно, в детстве?

— Нет. — Костя помотал головой. — Ни разу. Если честно — мы и не ждали. Сами понимаете: третий сын в семье...

— ...При живом дедушке, — кивнула Ольга Михайловна. — Сильная связь с Источником проходит в роду обычно по мужской линии, но редко возникает у младших детей. И все же такие случаи встречаются, так что называть их исключительными... несколько преждевременно.

— Тогда остается только порадоваться, — улыбнулся Костя. — Сильный Одаренный — удача для любого рода.

— И это тоже несколько преждевременно. Во всех... Я повторяю: во ВСЕХ описанных случаях распределение силы Источника на младшего ребенка и резкий рост способностей наблюдались до достижения им шести-семи лет. Точно так же, как у меня, у вас или у любого другого наследника рода. А здесь — ничего похожего. Совершенно. — Ольга Михайловна накрыла ладонью пухлую тетрадь. — Я три раза просмотрела карту Александра — и не нашла даже следов. Личный Дар — ниже среднего, эманации Источника практически отсутствуют. Никаких всплесков.

Ну спасибо... Ниже среднего, отсутствуют... А ничего, что я здесь сижу?

— Уф-ф-ф... — Костя отер пот со лба. — Княгиня, можно как-нибудь попроще? Что все это значит?

— Что угодно. — Ольга Михайловна развела руками. — Более-менее заметное усиление Дара у взрослых иногда встречается в случае смерти старших родственников по прямой линии — но здесь-то явно другое... Я бы сказала — качественно другое. Вот, посмотрите.

На столе перед нами появились два листа миллиметровой бумаги. На обоих были изображены какие-то графики... и на этом сходство заканчивалось. Первая картинка казалась скучной и блеклой — почти прямая синяя линия с редкими биениями, будто застывшая на отметке в семнадцать неизвестных мне единиц. Зато вторая сразу притягивала взгляд: неровная, дергающаяся, похожая на огромную пилу, для пущей наглядности нарисованную красным. Я при всем желании не смог бы оценить среднее значение, но самые высокие пики уходили заметно выше двухсот... чего-то там.

— Диаграмма Дара. — Костя подался вперед и вытянул шею, чтобы получше рассмотреть графики. — Если бы я не догадывался, в чем дело, сказал бы, что это два разных...

— Именно так, князь. — Ольга Михайловна ткнула ручкой в первый лист. — Я запросила диаграмму Александра из лица: вот он, примерно год назад. Полностью то же самое, что и в детстве. А здесь, — золоченый колпачок переместился и уперся прямо в ярко-красную «пилу», — вчерашние показатели.

Я понятия не имел, что вообще значит вся эта муть, но если уж пиковые цифры моего Дара после аварии каким-то образом рванули вверх в десять с лишним раз...

— У меня примерно то же... или даже чуть послабее. Так он лет через двадцать даже деда обгонит. — В голосе Кости на мгновение мелькнуло что-то вроде зависти. — Круто, конечно... Только что теперь с этим делать?

— Наблюдать. У детей синапсы пластичны, и они переносят прирост спокойно. А вот для взрослого... — Ольга Михайловна скосилась на меня, — почти взрослого человека такое скорее опасно. Александр может просто перегореть.

— Даже так?

— Так — и куда хуже. — Ольга Михайловна смела графики в сторону. — Задерживать вас здесь я не вижу смысла. Впрочем, все же попрошу... вас обоих. При любых странностях сразу же звоните мне. В любое время.

— В любое время, — кивнул Костя. — Получается, нужно будет обучать Александра контролю — так же, как нас с Михаилом?

— Здесь я вам не советчик. — Ольга Михайловна невесело вздохнула. — Неизвестно, что хуже: слишком быстро развивать такой Дар — или оставить его без должно-

го внимания. Это касается исключительно вашего рода. Однако что бы вы ни решили — лучше держите в тайне.

— Разумеется. Если все это, — Костя указал на графики на столе, — выйдет из кабинета, Саше придется туго.

— За себя я ручаюсь. — Ольга Михайловна приспустила очки и посмотрела на меня поверх них. — Но очень важно, чтобы мы все это понимали.

— Да понимаю я, понимаю, — проворчал я. — Рот на замок. Если что — тут же звонить вам.

— Все правильно. — Ольга Михайловна улыбнулась — и тут же пристально посмотрела на меня. — А сейчас вы не чувствуете... ничего особенного? Чего-нибудь, чего раньше точно не было?

Особенного? Нет, все в порядке. Ничего не болит, голова не кружится. Даже аппетит как будто есть. Разве что...

— Не очень хочется говорить, конечно... — Я постукал кончиками пальцев по подлокотнику. — Еще посчитаете сумасшедшим. Хотя раз уж обещал — мне иногда кажется, что я вспоминаю вещи, которых в принципе не могу знать. Или думаю не так, как раньше думал. А еще курить хочется... извините.

Глаза Ольги Михайловны вдруг сверкнули голубыми льдинками — и голову будто обхватило стальным обручем. Сдавило и тут же отпустило. Прошло... Костя непонимающе захлопал глазами — похоже, успел почувствовать, но так и не понял, что именно случилось.

— Еще... что-нибудь? — произнесла Ольга Михайловна, старательно чеканя каждое слово.

— В общем-то, все. — Я пожал плечами. — Все помню. Только по всему выходит, что я теперь... как другой человек, что ли.

— Ах, это... — Ольга Михайловна неожиданно заулыбалась. — После сильных черепно-мозговых травм

иногда случается. Сама лично не сталкивалась — но в литературе примеры есть, и немало. В каком-то смысле явление, обратное ретроградной амнезии. То есть там человек забывает то, что было, а здесь — получает ложную память. Иногда даже странные привычки.

— Привычки? — переспросил я.

— Такой вот занятный феномен. — Ольга Михайловна покрутила пальцами ручку. — Во Франции примерно пятнадцать лет назад описан случай, когда один маркиз после сотрясения мозга стал съедать в сутки по несколько банок гусиного паштета, хотя раньше терпеть его не мог. Уж не знаю, можно ли верить таким историям... Впрочем, источник внушает уважение.

— Ага... — Я потер до сих пор чуть ноющие виски. — Нет, на паштет пока не тянет.

— Ну, раз так — все точно в порядке, — усмехнулась Ольга Михайловна. — Можете быть спокойны, князь. Другим человеком вы не стали. И не станете.

Ее голос звучал мягко, доброжелательно и успокаивающе, хотя я успел заметить, каким взглядом она зыркнула на Костю — и как раз во взгляде ничего подобного не было. Княгиня явно напряглась куда сильнее, чем показывала.

Знать бы еще — почему?..

— Так... — Костя оперся ладонями в подлокотники и медленно поднялся с кресла. — Мы, наверное, пойдем.

Глава 6

Задерживать нас никто, разумеется, не стал. Мы попрощались с Ольгой Михайловной и вышли на лестницу. В окно вовсю светило солнце, откуда-то доносился шум улицы, и чувствовал я себя просто прекрасно — и все-таки странное ощущение меня так и не отпустило.

— Кость, — позвал я. — Ты чего?

— В смысле?

— Ну подожди. — Я догнал брата на лестничной площадке, поймал за плечо и осторожно развернул к себе. — Да что не так-то?

Может, раньше он без труда смог бы меня обмануть. Отмахнуться, натянуть на лицо улыбку и сделать вид, что все нормально. Но теперь я почему-то сразу понял: Костя явно чем-то озадачен... а может, даже напуган.

— Да так... — Он отступил на шаг, уперся лопатками в стену и тряхнул головой. — Ерунда всякая в голову лезет. Тебе все равно не объясню.

— А ты попробуй. — Я уселся прямо на ступеньки. — Это из-за того, что Бельская сказала?

— Не совсем. — Костя на мгновение задумался. — Дед всегда говорил, что из Горчаковых менталисты на тройку с минусом, но я лет с семи других... чувствую, что ли. Наверное, от мамы досталось.

— Ага, — отозвался я. — И чего же ты чувствуешь?

— Вот в том-то и дело. — Костя вздохнул и отвел глаза. — Раньше я на тебя смотрю — а ты... как свежая лужа на асфальте. Только не обижайся, ладно?

— Сложно, но постараюсь.

— В смысле — плоский и прозрачный. Все видно и все понятно. Сразу можно сказать, о чем думаешь, какое настроение.

— Да? — Мне вдруг захотелось улыбнуться, хоть никакого веселья я не чувствовал. — А сейчас?

— А сейчас — черт знает. — Костя отлип от стены и снова неторопливо зашагал по лестнице. — На болото торфяное похоже. Черным-черно, ничего не видно. А глубина такая, что попробуй влезь — там и останешься.

Да уж. Не знаю, смогла ли Ольга Михайловна, которая не знала меня с самого детства, разглядеть что-нибудь подобное... хотя по всему выходило, что смогла. А то и увидела то, что скрывалось даже от меня самого. Что бы ни случилось с моим Даром и разумом после аварии, я изменился. И чертик, едва не повыбивавший Воронцову все зубы, в моем персональном омуте теперь наверняка не попал бы даже в десятку самых крупных.

Я открыл дверь на улицу и на мгновение испытал облегчение, не увидев черной «Волги» напротив входа. Вот только моя радость оказалось преждевременной: зловещая «баржа» лишь сместилась метров на пятьдесят вправо — похоже, все-таки уезжала на ночь, — но окончательно свой пост так и не покинула. Затемненные стекла блестели на солнце, и я не мог увидеть, есть ли кто внутри.

— Ты идешь? — Костя обернулся и замедлил шаг. — Саш?..

— Иду.

Я тряхнул головой, отгоняя ощущение чужого взгляда, но оно оказалось прилипчивым. Будто кто-то снова «зондировал» меня. Как Ольга Михайловна... только изящнее — и при этом куда успешнее. Уж не знаю, что успела заметить она, зато этот явно увидел вообще все. И закрыться я бы не смог, даже если умел бы.

Круче, чем пятый магический класс? Елки...

Таинственный шпион «отпустил» меня, только когда мы вышли за ограду на Литейный. Костя вполне бы мог проигнорировать указатель «служебный въезд» и проехать внутрь, как Воронцов, однако не стал хамить. Дед всегда говорил, что скромность — чуть ли не важнейшая добродетель дворянина, и брат умел закрутить гайки своему тщеславию.

Но уж точно не в том, что касалось машин.

Припаркованная в полусотне метров от ворот «Чайка» цвета слоновой кости блестела так, что становилось больно глазам. Огромная, роскошная, с вытянутыми задними крыльями, похожими на рыбы хвосты, она казалась громоздкой и медлительной — но только на первый взгляд. Спрятавшийся за хромированной решеткой радиатора двигатель на трассе вполне мог бы утнаться и за спортивной «Волгой», и даже за «Понтиаком».

— Ты чего так вылупился? — усмехнулся Костя, закидывая мешок с моим барахлом куда-то назад. — Будто в первый раз видишь.

— Да блин... — Я устроился на скрипнувшем кожей сиденье. — Хороша бричка.

— А то. — Костя хитро улыбнулся. — За руль хочешь?

— Да!

— Балда. У тебя даже прав нету.

— Шутник... — насупился я. — Как будто раньше это кому-то мешало.

— Раньше было раньше. — Костя вздохнул и воткнул ключ куда-то под руль. — А теперь тебе до седой бороды не светит. Дед суров — но он дед.

— Угу, — буркнул я. — Ладно, поехали... на казнь.

«Чайка» зарычала, развернулась и неторопливо покатила по Литейному. Первые минут десять я просто пялился в окно. Будто заново открывал город, в котором прожил всю жизнь... а я ведь уже тысячу раз видел все это. Каждую вывеску. В центре Питера чуть ли не половина магазинов, заведений и контор вели дела еще с прошлого века, так что в их названиях кое-где мелькали старые буквы: черные или золотистые «яти» и «еры» на белом фоне, иногда на нескольких этажах разом.

Только вот этих, на углу Забалканского, раньше не было. Или вывеска переползла чуть ближе. Или еще недавно цвет у нее...

— Эй, Сань, ты чего? — Костя чуть притормозил. — Опять голова?

— Да не. — Я сполз по сиденью, устраиваясь поудобнее. — Нормально. Слушай... а чего Бельская говорит, что обо всем этом никому рассказывать нельзя? Ну, типа, тайна?

— Да не то чтобы прям тайна. — Костя включил поворотник. — Но сильный Одаренный — это всегда событие. Только если по-настоящему сильный. Раньше бы ты класс десятый-одиннадцатый после лица получил, а четырнадцатый вообще всем дают... но это так.

— Ага, — кивнул я. — А теперь у меня какой?

— Никакой. — Костя улыбнулся и перебрал руками, вращая обтянутый кожей руль. — Пока учебу не закончишь — фиг тебе, а не магический класс. А чисто по диаграмме — ну, на восьмой, как у меня, потянет. Или даже на седьмой.

Вроде вспоминаю, хоть и местами туго. Четырнадцатый — можно сказать, бездарь. Десятый после лица — слабенько, хотя уже кое-что. Восьмой в Костины двадцать пять — неплохо, а в мои шестнадцать — совсем круто... конечно, если осилить аттестацию, что пока в принципе невозможно.

Но и это все равно не пятый, как у Ольги Михайловны. А есть ведь еще круче... Впрочем, высшие магические классы — удел наследников княжеских родов. И то не всех — и уж точно не сразу.

— А дед?.. — на всякий случай уточнил я.

— На покой уходил на третьем, — отозвался Костя. — А сейчас — кто ж его знает. Может, уже и второй бы потянул. Да толку-то...

— Сильно. — Я прикинул в уме свои перспективы. — Ты говорил, что и я через двадцать лет...

— Да ты погоди! Это же все те-о-ре-ти-чес-ки, — проговорил Костя по слогам. — А как оно будет — сейчас все равно не поймешь. Так что пока не высовывайся... Ис Воронцовым больше не связывайся, понял?

— И чего это не связываться? Вроде...

— А того, что он тебя убьет. — Костя нахмурился и чуть придавил газ. — И не смотри, что еле на девятый класс натягивает. Взрослый Одаренный, единственный сын в семье без отца — Источник близко. Его учили контролю магии... Хреново, но учили.

А меня — нет. Да, я в одночасье стал сильнее себя вчерашнего почти в десять раз. Чувствую родовой Дар, пытаюсь поймать странную энергию вокруг — и ловлю! Буквально трогаю пальцами... Вот только сделать с ней пока ничего не могу.

— Ладно, — буркнул я.

— Да ты пойми, что не в нем дело. Воронцов — это так, фигня на постном масле. Гонки, разборки — для тех, кому заняться нечем.

На лице Кости на мгновение проскочило то ли недовольство, то ли сожаление — давно ли он и сам был таким? Беззаботным шалопаем, которому не приходилось занимать место деда в Госсовете и тащить на себе все семейные дела.

— Из этих тебя никто пальцем не тронет. А тронет — я по стенке размажу, — продолжил Костя. — Но если кто-то прознает, что ты к двадцати с копейками имеешь неплохой шанс выйти на седьмой класс — жизни тебе не дадут.

— Почему?

— По всему. В первую очередь — хорошая наследственность. Как стукнет семнадцать, за тебя девки пере-

дерутся. И не только девки. Взрослым барышням всей этой фигни с венчанием и кольцами не особо надо, они на это дело... смотрят попроще. — Костя хмыкнул, покраснел, скопился на меня — и, похоже, решил не развивать тему. — Моргнуть не успеешь, как к чужому роду так привяжут, что не дернешься. Или полиция захочет себе забрать. Или Тайная канцелярия, а там и военные подтянутся. А может, и сама государыня императрица пожелает... ко двору.

— Ага, — кивнул я. — И какой из этих вариантов самый нормальный?

— Честно — никакой. — Костя свернул с круговой дороги и выехал на Царскосельское шоссе. — Не одни, так другие сожрут и не подавятся. Только пусть это хотя бы будет попозже, когда ты наберешься... ума. Пока дед жив, еще ничего, а там... сам понимаешь.

— Понимаю. Ладно, разберемся.

До самого дома мы не разговаривали. Оказалось, уже не о чем — да и желания не было. За городом Костя, наконец, дал волю могучему мотору. Под капотом радостно зарычало, «Чайка» вильнула в левый ряд и полетела, набирая скорость и обгоняя грузовики, автобусы и мелкие легковушки.

Однако неприятности обогнать не смогла даже она.

Странное предчувствие накатило даже раньше, чем мы свернули за указатель «Елизаветино», который Костя чуть не прозевал. Родовое гнездо Горчаковых встретило нас приветливым солнышком и ровными домиками, выстроившимися по обеим сторонам дороги. Отовсюду буквально веяло тишиной и покоем, но за всей этой пасторалью уже назревало... что-то.

Похоже, в комплекте с подростком Даром мне досталось и сверхчеловеческое чутье. Оно взвыло еще кило-

метра за полтора до усадьбы — а Костя безмятежно рулил, пока за поворотом не показалась знакомая черная ограда.

— А это что за?.. — пробормотал он, едва не впечатавшись носом в руль.

— А это, Кость, проблемы. — Я протяжно вздохнул и взялся за ручку двери. — Те самые, про которые ты говорил.

Темно-серая машина стояла почти у самых ворот. Я не мог разглядеть эмблему, но уже понял: агрегат серьезный. Конечно, не «Понтиак», хотя тоже что-то американское, навороченное и крутое. Разве что годом чуть постарше.

Глава 7

— Дуэль? Да я вам такую дуэль устрою!

Дед громыхнул кулаком по столу. Так, что подпрыгнули не только телефон, чернильница и курительная трубка, но и мы с Костей. Годы — шутка ли, едва не сотня — почти отняли у главы рода Горчаковых ноги, а вот в руках силы было еще предостаточно.

И не только в руках. Во все стороны разошлась волна такой мощи, что я всерьез начал переживать за стекла. Причем не только в усадьбе — во всем Елизаветино. Делами уже давно занимались отец с Костей: дед ушел на покой, когда мне было лет пять-шесть... но примерно раз в полгода напоминал, кто здесь НАСТОЯЩИЙ князь Горчаков.

И тогда со стен летела штукатурка, а иногда и доски с кирпичами. Домашние прятались по углам, и село будто вымирало примерно на полдня. А потом все возвращалось на круги своя: дольше ослабевшая с возрастом дедова память обиды не удерживала.

— С ума посходили?!